

УДК 14:378

Анна Владимировна Климович¹, Сергей Александрович Жук²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²аспирант каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Hanna Klimovich¹, Sergey Zhuk²**¹Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics
of the Brest State A. S. Pushkin University²Postgraduate Student of the Department of General History
of the Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ВЗГЛЯД Л. ШТРАУСА (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
И ИСТОРИОСОФСКИЙ ДИСКУРСЫ)**

Показаны взгляды Л. Штрауса на роль политической философии в генезисе и развитии западной цивилизации. Проанализированы элементы смыслового ядра этой социокультурной суперсистемы. Раскрыты особенности влияния, как его видит Л. Штраус, классической политической философии и библейского религиозно-этического учения на модернизацию Запада. Классифицированы факторы «коррозии» цивилизационной идентичности, особое место среди которых занимают концепция историцизма и усиление влияния научного подхода на социальные исследования. Охарактеризованы пути преодоления цивилизационного кризиса, предложенные Л. Штраусом.

Ключевые слова: история науки, философия, история, всемирно-исторический процесс, цивилизация.

**The Interpretation of the Historical Path of Western Civilization:
a View of L. Strauss (Political-Philosophical Discourses and Historicism)**

The article shows the views of L. Strauss on the role of political philosophy in the genesis and development of Western civilization. The elements of the semantic core of this socio-cultural supersystem are analyzed. The author reveals the peculiarities of the influence, as L. Strauss sees it, of classical political philosophy and Biblical religious and ethical teaching on the modernization of the West. The factors of «corrosion» of civilizational identity are classified, a special place among which is occupied by the concept of historicism and the strengthening of the influence of the scientific approach on social research. The ways of overcoming the civilizational crisis proposed by L. Strauss are described.

Key words: History of science, philosophy, history, world-historical process, civilization.

Введение

Интерес к изучению природы, закономерностей развития и цивилизационной идентичности Запада прослеживается на протяжении всей истории классической философской мысли. В особенности он возрос в период институционализации социальных и гуманитарных дисциплин. Социально-политическая рефлексия сформировала обществоведческие школы, результаты исследований которых позволили более глубоко понять исторический путь Запада и оценить его всемирно-исторические перспективы. На современном этапе в контексте процессов глобализации и регионализации изучение исторического опыта западного цивилизационного ареала является особенно

важным. Это обусловлено сложившимся геополитическим, геоэкономическим и геокультурным статусом Запада, ведущей его ролью в формировании глобальной повестки дня. Особенно актуальными видятся исследования в области выявления и постижения системообразующих элементов западной цивилизации, детерминирующих природу, иначе говоря, поиск того, что «делает Запад Западом» [1, с. 9].

Множественность имеющихся методологий определила чрезвычайно широкий спектр подходов к пониманию современности и будущего западной цивилизации. Среди них следует особенно выделить стадиальную и цивилизационную парадигмы в историософии (Р. Арон, А. Тойнби, О. Шпен-

глер), модели осмысления социокультурных систем через онтологию (Г. Гегель), экономоцентричные, техноцентричные (Э. Тоффлер, Д. Белл) и идеоцентричные парадигмы.

В спектре последних особое место занимает парадигма американского обществоведа Л. Штрауса. Исследователь, осмысливая исторический путь западной цивилизации, обосновывал зависимость западного цивилизационного развития от трансформации философского видения социальной и политической реальности [2]. Исследователь, известный прежде всего как историк философской мысли и социогуманитарного знания, в постсоветском политическом дискурсе часто именуется идеологом неоконсерватизма как политической философии и геостратегии. Опыт авторской рефлексии философского наследия Штрауса позволяет согласиться с такой точкой зрения лишь частично.

Л. Штраус признан в современном социогуманитарном знании как интерпретатор классических философских систем Античности и европейского модерна. Внимательное изучение текстов философа позволяет констатировать, что, с его точки зрения, оптимальной формой организации общества является либеральная демократия, основанная на идее построения общества, комплементарного природе человека. Политико-философские идеи Л. Штрауса достаточно широко распространены в общественном дискурсе США и стали одним из «блоков» обоснования геостратегической парадигмы неоконсерваторов, воплотившейся в «доктрине Буша», «доктрине Рамсфелда», «доктрине Вулфовитца».

Обращение мыслителя в контексте глобальной политики и международных отношений к «детерминизму ценностей», в частности к универсализации демократических ценностей, неизбежно приводит к необходимости осмысления наиболее общих философских вопросов о природе человека, модели всемирно-исторического процесса, генезисе и развитии социальных отношений и институтов.

Интерпретация всемирно-исторического процесса и цивилизационного развития сквозь призму политической философии, безусловно, является оригинальным методологическим решением Л. Штрауса,

что вкупе с авторитетом его учения среди неоконсервативных элит определяет актуальность нашего исследования. Необходимо подчеркнуть, что американским исследователем политическая философия трактуется максимально широко, она включает как проблемное поле социальной философии, так и философской антропологии.

Цель статьи – выявление интерпретационной схемы становления и развития западной цивилизации в контексте философии и методологии Л. Штрауса.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить статус политической философии как рефлексии политической реальности в философии Л. Штрауса;

2) охарактеризовать понимание Л. Штраусом феномена историцизма;

3) показать влияние политической философии на исторический путь западной цивилизации в социально-политическом учении Л. Штрауса.

Политическая философия и научное знание: между конфликтом и диалогом

Понимание взглядов Л. Штрауса на политику и историю невозможно в отрыве от его восприятия онтологического статуса философского и научного мировоззрения. Американский философ обосновывает необходимость появления политической философии в системе философского знания необходимостью рефлексии политической реальности. В наиболее общем виде политическая философия «взращается» на питательной почве рассуждений о благе для человека, характерных для древнегреческих мыслителей. В свою очередь, последнее включает и потребность в формировании «хорошего общества», которое может определяться как завершенное политическое благо [3, с. 9]. Необходимо подчеркнуть, что Л. Штраус считал идеалом философии именно классическую древнегреческую философскую мысль, воспринимая ее как наиболее «чистую» и последовательную и определяя в качестве своеобразного универсального референта для мирового опыта философствования.

Конечной целью политической философии, по мнению Л. Штрауса, является поиск абсолютной истины, идеальной модели политической организации общества,

полное достижение которой невозможно в силу несовершенства человеческой природы. Поэтому суть политической философии может быть выражена парафразом известной формулы «движение – все, результат – ничто». Необходимо оговорить, что любая концепция политики в данной системе координат является не эпистемой (в древнегреческом понимании), а доксой, т. е. частным мнением.

Исходя из этого, политическая философия стремится к замене спектра мнений о «хорошем обществе» знанием, однако гносеология Л. Штрауса не оставляет возможностей для достижения этой цели.

Во-первых, в религиозное иудео-христианское мировоззрение философа не вписывалась идея абсолютизации и универсализации любых результатов человеческой деятельности. Кроме того, Л. Штраус полагал, что интеллектуальный поиск человека (при, разумеется, содействии Абсолюта) способен открывать те или иные аспекты знания. Во-вторых, изменяющаяся социальная реальность (а Л. Штраус являлся сторонником идеи прогресса) постоянно требовала новой философской рефлексии.

Политическая философия представляет собой постоянный диалог между мыслителями. Только в условиях интеракции возможно приближение к наиболее релевантной модели политического должествования. Очевидно, что философствование о политике требует известного уровня абстрагирования от «политического сегодня», которое, как считает, Л. Штраус, является предметом политической теории. В процессе взаимодействия идей рождаются политико-философские синтагмы, построенные вокруг ряда ценностей. Глобальное и цивилизационное развитие представляет собой, в понимании Л. Штрауса, конкуренцию синтагм, институционализированных на базе парадигм политической философии.

На протяжении столетий развития политической философии были сформированы различные модели и стратегии достижения политического должествования. Штраус полагает, что институционализация науки, важную роль в становлении которой сыграли такие «дети» эры Просвещения, как позитивизм, скептицизм, нигилизм и историцизм, бросает вызов политической философии [4, с. 161–162]. Метафора «де-

тей» здесь неслучайна. Они, подобно действующим лицам книги З. Фрейда «Тотем и табу», восстают и пытаются уничтожить своего родителя. Наука начинает «крестовый поход» против философии, что приводит к удвоению политического знания: не-философской политической науке и ненаучной политической философии. Более того, по мнению американского философа, происходит сжатие проблемного поля политической философии за счет развития социальных и гуманитарных наук [5, с. 35].

Наступление науки осуществляется за счет «позитивистского тарана» при активном содействии утилитаризма, неокантизма и эволюционизма. Политическая наука, стремясь достигнуть статуса естественных наук, неизбежно некритично вводит в свою методологию системообразующие элементы методологии последних, что, в свою очередь, приводит к конфликту с политической философией. Л. Штраус считает, что «позитивизм в социальных науках не поощряет нигилизм, а ведет к конформизму» [6, с. 20]. Наука, в понимании американского философа, оперирует исключительно фактами объективной реальности и не выносит ценностных суждений, что противоречит смыслу политической философии. Более того, этически нейтральная методология науки претендует на статус наивысшей формы знания. Технологизация научного знания приводит и к нивелированию статуса основополагающей ценности философии – стремления к истине. Таким образом, наука противоречит политической философии в следующем:

1) невозможно изучать социальные феномены без вынесения ценностных суждений;

2) наука предлагает новую иерархию мировоззрений и форм знания;

3) научный подход пренебрегает фундаментальными вопросами политической философии, заменяя их бесконечным изучением «кейсов» и формулированием «закономерностей» [3, с. 28].

Институционализация науки является, по мнению Л. Штрауса, закономерным итогом реализации идеи прогресса и жажды познания, которые являются системообразующими элементами западной цивилизации. Наука, создавая материально-технические блага, создает условия для творческой

свободы человека, а значит, способствует построению «хорошего общества». Однако «марш науки», ее инвазия в сферу социума и политики несет угрозу образу цивилизации, сформировавшемуся под влиянием социально-философской рефлексии. Успехи науки в середине XX в. способствовали в известной степени маргинализации статуса философского и донаучного знания, что и стало для Л. Штрауса своего рода «знаменем» кризиса западной цивилизации.

Рискнем предположить, что для Л. Штрауса оптимальная форма взаимодействия науки и политической философии выглядит следующим образом. Политическая теория исследует реальность с помощью инструментария естественных наук, прежде всего используя количественные методы, осуществляет первичную обработку эмпирического материала, а затем представляет его для теоретического анализа. Также политическая теория изучает такие аспекты политической деятельности, как государственное администрирование и менеджмент. Иначе говоря, наука добывает «руды», наилучшие образцы которой превращаются философами в «бриллианты» новых мировоззренческих парадигм.

Философия vs историцизм: в поисках детерминанты цивилизационного развития

Инвазия науки, направленная на разрушение ценностного ядра западной цивилизации, квинтэссенцией которого является политическая философия, использует в качестве «инструмента» историцизм. Необходимо отметить, что понимание Л. Штрауса этого феномена отличается от общепринятого в отечественной науке. Историцизм в его концепции может быть определен как радикальное социальное учение и идеология, рассматривающая историю и современность человечества в отрыве от морально-этических основ. Таким образом, он ставит под сомнение любые этические синтагмы и идею прав и свобод человека. Для Л. Штрауса историцизм представляется воплощением философии в эпоху кризиса цивилизации: будучи подобен ей по форме, историцизм имеет кардинально иное содержание.

Классический историцизм торжественно провозглашает абсолютную историч-

ность культуры, экономики, политики, фактически определяя человека как «продукт социально-культурной дрессировки». С другой стороны, он признает за человеческой мыслью способность сформулировать универсальные суждения. Наиболее характерным примером этого может быть историософия Г. Гегеля и К. Маркса. Однако их модели сложного линейно-восходящего всемирно-исторического процесса очевидно противоречат идее историцизма.

Во второй половине XIX в. историцизм, сближаясь со скептицизмом и нигилизмом, неизбежно радикализируется, проявляясь в философских концепциях Ф. Ницше, интерпретативных теориях (Л. Витгенштейн) и логически раскрываясь в постмодернистском и постструктуралистском дискурсах. Крайние формы релятивизма приводят к тотальному сомнению в «точках отсчета» в научной рефлексии, окончательно выводя категорию «истина» за пределы сферы интересов социальных и гуманитарных наук. Следовательно, историцизм отрицает возможность теоретического или объективного анализа социальной реальности.

Историцизм, вторгаясь в проблемное поле политической философии, приводит к множественности возможных точек отсчета, детерминированных историческими, социально-культурными и политическими факторами. Он бросает вызов любым формам универсалистского подхода к исследованию социальных процессов и прежде всего политической философии. Постулируя отсутствие универсальных референтов, он ставит под сомнение онтологический статус философского знания, подменяет дискуссии о бытии, ценностях и смыслах подходом с «исторической точки зрения».

Исходя из этого историцизм критикует саму возможность построения «хорошего» общества во всемирно-исторической перспективе. Его «марш» не только десакрализирует многие философские смыслы, но и ставит под вопрос идеи цивилизационного развития и прогресса, маргинализирует базовые вопросы о добре и зле, свободе и рабстве. По мнению Л. Штрауса, тень историцизма практически осязаемо присутствует за тронами фашистских и коммунистических диктаторов. Его логика оправдывает не только приход свободы после низвержения диктатуры, но и традиционалистские,

левые и правые формы тирании, формирующие под мерную поступь легионов СС, «Триумфы воли», националистические и интернациональные лозунги, ГУЛАГа и Маутхаузена.

Основным «фронтом» конфликта историцизма и политической философии является тема смысла человеческого существования. Чрезмерная релятивизация смысла существования человека является угрозой для достижений политической философии в области познания природы человека и определения оптимальной политической организации общества. Исторический подход, расширяя свой предмет познания, вторгается в плоскость «настоящего», что, на наш взгляд, может приводить к историзации современности, облекая ее в призрачные «вериги прошлого». Например, историзация идеи свободы приводит к ее пониманию как исторического феномена или эпифеномена модернизации.

С другой стороны, дискуссия с историцизмом является для политической философии триггером для расширения предметного поля рефлексии путем включения исторического дискурса. В более широком контексте это противостояние проецируется на осмысление пути и идеи развития западной цивилизации. Идеи случайности и «историчности» Запада политическая философия может противопоставить идею уникальности этой социокультурной системы. В конечном счете историцизм бросает вызов западной цивилизации, маргинализирует поиск универсальных ценностей и смыслов, разрушает морально-этические основы цивилизационного прогресса. «Ересь» историцизма, по мнению Л. Штрауса, бросает вызов многовековому опыту Запада, при этом не предлагая жизнеспособной стратегической альтернативы [6, с. 104, 132, 136]. Онтологический реванш философии, идей универсализма и прогресса невозможен без обращения к политико-философскому и историософскому дискурсам.

Политическая философия как смысловое ядро развития Западной цивилизации

Политическая философия Л. Штрауса в отечественной и мировой науке не единожды становилась предметом рефлексии, поэтому в рамках статьи мы не будем по-

дробно обращаться к интерпретации исследователем тех или иных исторических типов философии. Более актуальным видится изучение влияния философских концепций на развитие западной цивилизации, каким его видит Л. Штраус. Необходимо подчеркнуть, что Л. Штраус рассматривает всемирно-исторический процесс исключительно сквозь призму западной цивилизации. Тематика же глобального развития не становилась предметом специального внимания ученого, поэтому говорить о ней приходится достаточно осторожно.

Историю Запада Л. Штраус интерпретирует, безусловно, в рамках идеоцентричной парадигмы. Однако он предлагает оригинальную концепцию понимания природы, развития и перспектив Запада, фактически обосновывая идею примата философского знания. Наряду с политической философией важную роль в развитии западной цивилизации играет и рецепция философии в понимании «тени» прошлого. С позиций объектно-ориентированной методологии и акторно-сетевой теории философские учения вполне могут определяться как актанты и формировать сети и тотальности, опредмечивая функционирование социокультурных систем [7].

Классическая цивилизация на Западе формировалась под влиянием двух базовых моделей: античной философии («Афины») и библейского религиозно-этического учения («Иерусалим»). Они предлагали различные модели интерпретации человеческого бытия, однако были способны к творческому диалогу, что и проявилось в историческом пути Запада, иначе говоря, между ними нет фундаментальных различий [3, с. 77].

Классическая античная философия, прежде всего учения Платона и Аристотеля, сформировали, по мнению Л. Штрауса, историософскую идею прогресса, идеал политической организации общества, видение «золотого века». Подчеркнем, что американский философ делает вывод о доминирующем положении линейно-восходящей модели в классической философии, что является в известной степени ее редукцией. Например А. Ф. Лосев приходит к выводу о господствовавшем в Древней Греции циклическом подходе к рефлексии бытия [8].

Классика оказала определяющее влияние на переход от традиции к началу ак-

тивного познання аб'ектыўнай рэальнасці. Немаловажным яўляецца і артыкуліраванне сінтагмы, в аснове якой лежалі прадставленні аб добродетелі, умереннасці, власти лучших, хорошей жизни в согласии с природой, обществом и самим собой. Заложенные в классической политической философии ценности начали процесс формирования смыслового ядра Запада, в основе которого – ценности, смыслы и вера в их достижение, античный рационализм. С другой стороны, Л. Штраус некритично воспринимает ряд противоречий в классической политической философии. Например, обходит вниманием тезис о Платоне как «идеологе тоталитаризма». Для Штрауса идеалом политической организации общества является полития, сформированная как институциональная основа гражданского общества, а идеалом человека – сознательный гражданин полиса.

Вторым источником смыслового ядра Западной цивилизации стал «Иерусалим», философия и сінтагма якога яўлялася экстэрыорнай адносна Дрэвняй Грэцыі. Библия предложила историсофскую концепцию «возвращения», основанного на дихотомии отчуждения – покаяния, покорности – бунта. Интеграция «Иерусалима» представляла собой процесс кроссцивилизационного взаимодействия, в результате чего были сформированы синтезные концепции христианского богословия, появившиеся на стыке традиций неоплатонизма и восточных философско-мистических учений и ставшие, в свою очередь, идейной основой Западной цивилизации эпохи кризиса Античности, приходившейся, в понимании Л. Штрауса, на период Римской империи. Эта идея философа практически полностью созвучна мысли А. Тойнби о возможности и даже необходимости синтеза высших форм религий во имя приближения к богопознанию [9, с. 241].

Синтез «Афин» и «Иерусалима», как считает Л. Штраус, невозможен в силу их онтологической противоречивости. Однако сходство морально-этических учений (за исключением высшего проявления морали) и восприятия справедливости позволяют говорить об их интеракции. И «Афины», и «Иерусалим» солидаризируются в понимании важности идеалов и ценностей для социокультурных суперсистем. Но при этом

античная идея о жизни человека, по его собственному разумению, противоречит иудео-христианской концепции жизни в покорной любви к Богу.

Наличие двух корней в западной цивилизации, делает вывод Л. Штраус, или же двух противоречивых эпистем, стало одним из факторов чрезвычайно высокой ее витальности, способности к изменениям и внутреннему диалогу. Запад, если мы будем использовать категории П. Сорокина, чрезвычайно подвержен флуктуациям, которые оставляют следы и на самой социокультурной суперсистеме, что особенно видно по динамике ценностного ядра Запада в Средние века [10, с. 41], причем некоторые из этих флуктуаций создают чрезвычайно благоприятную почву для институционализации модернизационных стратегий.

Третьим корнем западной цивилизации стали изменения в политической философии в эпоху формирования модерна. Первая волна современности относится к периоду появления философских концепций Н. Макиавелли и Т. Гоббса, вторая – философии Ж. Руссо, Г. Гегеля. Именно эти мыслители сформировали образ современной Западной цивилизации. Характерными чертами современности, как считает Л. Штраус, являются:

1) антропоцентричный ее характер, заменяющий космоцентризм Античности и библейский теоцентризм;

2) развитие «индустрии» прав, которые превалируют над обязанностями, доминировавшими в классический период развития западной цивилизации;

3) трансформация понимания свободы человека, считающейся неотделимой от его крайней зависимости от общества, исторического и социокультурного опыта [6, с. 142].

Одним из величайших достижений современности стало развитие идеи прогресса как изменения, направленного к пределу, а также расширение его содержательного пространства, включая интеллектуальную и политическую сферы. Современное для Л. Штрауса понимание прогресса, в отличие от античного, определяет фактор науки в качестве ведущего и предлагает через концепцию НТП идею бесконечного открытия безграничных далей непознанного. С одной стороны, названными филосо-

фами были сформулированы идеи либерализма, естественного права, обоснована уникальность и даже универсальность Запада, а с другой стороны, в их концепциях заложены предпосылки идейного кризиса Запада. Последний связывается Л. Штраусом с философией скептицизма, нигилизма и историцизмом, которые поставили под сомнение смысловое ядро западной цивилизации [4, с. 168]. Конечно, это не первый кризис, с которым сталкивался Запад: достаточно вспомнить драматичные события распада Римской империи, нашествия арабов, монголов и турок-оттоманов.

Наибольшую угрозу, по мнению Л. Штрауса, представляет масштабная интервенция научного подхода в социально-политическую сферу, «ересь» историцизма, подрывающие устои Западной цивилизации. Не менее важным кризисным фактором является трансформация идеи прогресса в веру в прогресс, что связано со значительными успехами в области естественных и технических наук на фоне гораздо более скромного развития в интеллектуальной и моральной сфере. Однако эта концепция не может подлежать анафематствованию и ее «ересиархи» не должны быть преданы забвению в интеллектуальной памяти.

Трансформации в политической сфере также пронизаны кризисными явлениями. Идея А. Кожева об эре «удовлетворенных автоматов» [11] созвучна взглядам Л. Штрауса на «триумф бигмака», массового общества и массовой демократии. Общества толпы стремятся к гомогенизирующим формам политической организации, среди которых философ особенно выделяет деспотию, цезаризм, коммунизм и современный ему либерализм. Оптимальной же организационной формой является модернизированный полис, воплотившийся в институтах национального государства и гражданского общества.

Наиболее ярким проявлением кризиса является неспособность Запада к моральному выбору между добром и злом, добродетелью и пороком. Нигилизм ценностей приводит к появлению «цивилизационных химер»: феномена «религии без веры». Позволим себе интерпретировать этот вариант магистрального пути Запада. Современность бросает вызов своему «родителю» — классике, обрушивая на нее весь возмож-

ный «арсенал» технических и идейных инструментов. Итогом этого противостояния становится необратимая деформация цивилизационного ядра, открывающая путь возрождению архаики, которая начинает «стучаться в окно», неизбежно варваризируя общество.

Противостояние кризису возможно только при условии обращения к дискурсу прошлого и политической философии. История, в понимании Л. Штрауса, — мощный фактор, дающий пищу для размышлений философам. Вместе с тем она не жребий и не злой рок человечества. Всемирно-исторический процесс, как считает американский философ, бесконечен, а значит, «конца истории» в понимании Г. Гегеля, А. Кожева и Ф. Фукуямы не может быть. Поиск ценностей и идеалов, по мнению Л. Штрауса, как в дискурсе историософии, так и в политико-философском дискурсе, вечен, и его невозможно завершить в силу статуса человека в теоцентричном мироздании. Человек не может стать самодостаточным существом, принципиально отличающимся от сотен поколений своих предков, тех, кто жаждал, страдал и умирал в борьбе.

Таким образом, «иерофантом» возрождения Запада может стать лишь политическая философия, имеющая три корня цивилизационного развития, особое место среди которых занимает античная политическая философия, сформулировавшая все основные проблемы построения «хорошего общества».

Заключение

В результате исследования сделаны следующие выводы:

1. Значимость политического знания, как считает Л. Штраус, определяется его целью — достижением общего блага на земле. Основной чертой политической философии является ориентация на осмысление фундаментальных явлений политического развития, построение синтагм.

2. Теоцентричное мировоззрение Штрауса видит во всемирно-историческом процессе конфликт добра и зла, в котором политическая философия «играет» на стороне первого, создавая возможность интеллектуального поиска оптимальной политической организации общества. Ядром философии Л. Штрауса является идея автоном-

ности и трансцендентности универсалистской синтагмы, основанной на идеалах добродетели, умеренности, ответственности.

3. В сердцевине западной цивилизации заложен конфликт между философскими и библейскими представлениями о правильной жизни, дающий, по мнению Л. Штрауса, этой социокультурной системе «необычайную» витальность. Формирование Западной цивилизации современного типа детерминировано двумя волнами философской революции, связанными с именами Н. Макиавелли и Т. Гоббса, Ж. Руссо и Г. Гегеля.

4. Кризис западной цивилизации связан с инвазией науки в сферу политической жизни, распространением «ереси» историзма, развитием этически нейтральных

концепций, приводящих к коррозии смыслового ядра Запада, сформированного «Афинами» и «Иерусалимом». Результатом этого является девальвация базовых морально-этических принципов добродетели, свободы, умеренности, «хорошего правления». Кризис неизбежно приводит к онтологическому примату частных культур и лишает всемирно-исторический процесс высших смыслов, дробя его как единство стремления к познанию истины через философскую рефлексию. Преодоление кризиса возможно только при условии продуктивного взаимодействия парадигмы современности и цивилизационной синтагмы классики, основанной на моделях «Афин» и «Иерусалима».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. К. Королева. – М. : АСТ, 2018. – 544 с.
2. Leo Strauss [Electronic resource] // The Encyclopaedia Britannica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/biography/Leo-Strauss>. – Date of access: 21.01.2021.
3. Штраус, Л. Введение в политическую философию / Л. Штраус. – М. : Логос, 2000. – 364 с.
4. Штраус, Л. О тирании / Л. Штраус. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 328 с.
5. Strauss, L. Philosophy and Law. Contributions to the Understanding of Maimonides and his Predecessors / L. Strauss. – New York : State Univ. of New York, 1995. – 241 p.
6. Штраус, Л. Естественное право и история / Л. Штраус. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 312 с.
7. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.
8. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – М. : АСТ, 2000. – 624 с.
9. Тойнби, А. Постижение истории : сборник / А. Тойнби. – М. : Рольф, 2001 – 640 с.
10. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. – СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – 1054 с.
11. Кожев, А. Атеизм и другие работы / А. Кожев. – М. : Праксис, 2007. – 512 с.

REFERENCES

1. Huntington, S. Kto my? Vyzovy amierikanskoj nacional'noj identichnosti / S. Huntington. – М. : AST, 2018. – 544 s.
2. Leo Strauss [Electronic resource] // The Encyclopaedia Britannica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/biography/Leo-Strauss>. – Date of access: 21.01.2021.
3. Strauss, L. Vviedeniye v politichieskuju filosofiju / L. Strauss. – М. : Logos, 2000. – 364 s.
4. Strauss, L. O tiranii / L. Strauss. – SPb. : Iz-vo S.-Pietierb. un-ta, 2006. – 328 s.
5. Strauss, L. Philosophy and Law. Contributions to the Understanding of Maimonides and his Predecessors / L. Strauss. – New York : State Univ. of New York, 1995. – 241 p.
6. Straus, L. Jestiestviennoje pravo i istorija / L. Straus. – М. : Vodoliej Publishers, 2007. – 321 s.
7. Latur, B. Pieriesborka social'nogo: vviedeniye v aktorno-sietievuju teoriju / B. Latur. – М. : Izd. dom Vys. shk. ekonomiki, 2014. – 384 s.

-
8. Losiev, A. F. Istorija antichnoj estetiki. Ranniaja klassika / A. F. Losev. – M. : AST, 2000. – 624 s.
 9. Tojnbi, A. Postizhenije istorii : sbornik / A. Tojnbi. – M. : Rol'f, 2001. – 640 s.
 10. Sorokin, P. A. Social'naja i kul'turnaja dinamika: issliedovanie izmienenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshhestviennykh otnoshenij / P. A. Sorokin. – SPb. : Iz-vo rus. gumanitar. un-ta, 2000. – 1054 s.
 11. Kozhev, A. Ateizm i drugie raboty / A. Kozhev. – M. : Praksis, 2007. – 512 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 15.01.2021